

ТЕМНАЯ СТОРОНА РАЗУМА

18+

КАК ЧЕЛОВЕК
ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ЧУДОВИЩЕ

PROFILING

БРИТАНСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР
5000 ОТЗЫВОВ НА AMAZON

КЕРРИ ДЕЙНС

ПСИХОЛОГ-КРИМИНАЛИСТ

Керри Дейнс
Темная сторона
разума. Как человек
превращается в чудовище
Серия «Profiling. Искусство
вычислять преступников»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68935398

Темная сторона разума. Как человек превращается в чудовище: Эксмо;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-184199-7

Аннотация

Нас всегда будоражат истории о жестоких маньяках и убийцах, их злодеяниях и долгих, запутанных расследованиях. Но что происходит после вынесения приговора?

Керри Дейнс – самый известный психолог-криминалист Великобритании – больше двадцати лет работает с опасными преступниками. Ее задача – понять, почему человек превращается в бездушного монстра, как это предотвратить и можно ли вернуть его к нормальной жизни.

Захватывающие и откровенные мемуары Дейнс посвящены попыткам разгадать природу зла, встретившись с ним лицом к лицу.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	6
Пролог	7
1. Дом с монстрами	17
2. Большие мальчики не плачут	40
3. Козел отпущения	57
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Керри Дейнс Темная сторона разума. Как человек превращается в чудовище

Kerry Danes

**The dark side of the mind: true stories from my life as a
forensic psychologist**

© Новикова Т. О., Каримов Р. Д., перевод на русский
язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

Посвящается маме, папе и старшей сестре

От автора

Истории, рассказанные в книге, основаны на моих воспоминаниях и опыте – это истории из жизни психолога-криминалиста. Имена и некоторые другие персональные данные были изменены в целях защиты конфиденциальности невиновных и преступников, чья виновность доказана. А еще я изменила их, чтобы защитить себя от судебных исков. Я и так почти не покидаю зал суда.

Пролог

*И если ты долго смотришь в бездну, то бездна
тоже смотрит в тебя.*

Фридрих Ницше

Иногда ты помогаешь своему пациенту во всем разобраться, иногда твой пациент помогает тебе.

Морис разменял уже девятый десяток. Артрит не пощадил высокого, худощавого старика: издалека тот казался иссохшим дубом, на который зачем-то надели костюм Саймона Коуэлла¹: брюки с высокой талией и белую футболку в обтяжку. А еще у него был глазной протез, и из-за этого Морис казался косоглазым.

Он не был моим пациентом, просто уже давно и долго лечился в стационаре со строгим наблюдением. Тогда, на стыке тысячелетий, я только-только устроилась на новую работу психологом и скоро должна была получить свою квалификацию в психиатрии. Больница находилась на самой границе разросшегося бедного района муниципальной застройки на окраине угрюмого северного городка. Суровая обстановка. Для меня эта должность стала второй попыткой сделать карьеру в выбранной сфере, и я твердо решила, что стану вы-

¹ Саймон Коуэлл – британский телеведущий и продюсер, миллионер и филантроп. – *Прим. ред.*

сококласным специалистом в области психиатрии.

Пока человека не поместят принудительно в охраняемое отделение больницы по статье Закона о психическом здоровье, ему трудно понять разницу между этим местом и старой доброй тюрьмой. Но в этих двух учреждениях подход к своим гостям очень разный. Подход тюремной сферы основан не на необходимости обеспечить безопасность и защиту граждан, с преступниками там особенно не церемонятся. А в охраняемых больницах, таких, как мое место работы, с «заключенными» стараются обходиться не слишком сурово, скорее активно с ними взаимодействуя. Да, их изолируют от общества, но при этом проявляют заботу о них. Пациенты находятся под стражей: считается, что они опасны для самих себя и для других. Но поскольку зачастую такое учреждение состоит из нескольких маленьких отделений с почти домашним уютом и общей гостиной, нередко сотрудники обедают вместе с больными.

Вот и я по вторникам и четвергам приходила в отделение, где жил Морис, и обедала с обитателями этого отделения больницы «Милтон-Уорд»².

В психиатрических отчетах старика много раз повторялась одна и та же формулировка: «страдает от сексуального садистического расстройства». Меня забавлял термин «страдает». Человек с таким расстройством испытыва-

² Милтон-Уорд – район города Саутэнд-он-Си (графство Эссекс), давший название больнице. – *Прим. ред.*

ет сильное сексуальное возбуждение, когда наблюдает боль, унижение и муку другого живого существа. Не путайте это с игривой поркой и прочими неуклюжими обоюдными забавами «рабов» и «господ» в латексных костюмах. Речь идет именно о расстройстве (а расстройства могут затрагивать все аспекты личности, но об этом чуть позже), когда человек реализует свои потребности без согласия жертвы. Отсюда вопрос: кто же в этом случае страдает?

Что делал наш герой? Он прятался в укромных местах, чтобы внезапно выскочить и продемонстрировать свое «достойнство» ничего не подозревающим девочкам и женщинам. Шок и испуг на их лицах был для него источником совершенного сексуального удовольствия. Любовь к таким острым ощущениям быстро довела молодого парня до тюрьмы, но разве могла тюрьма его остановить? После освобождения в его доме нашли тела двух женщин с множественными ножевыми ранениями различной глубины, преимущественно в районе груди. Точность, свойственная истязателю. Какое-то время спустя Морис навсегда поселился в стационаре и уже никогда его не покидал.

В один из вторников за обедом Морис подошел ко мне сзади, ловко и быстро вытащил свой глазной протез и закинул мне в томатный суп. Я даже не успела сообразить, что вообще происходит! Только что все было нормально, и вдруг я сижу вся в кроваво-красных пятнах, смотрю в тарелку, а суп... смотрит на меня.

В двадцать четыре года я еще была молода и неопытна, а потому сразу потеряла самообладание и отреагировала на случившееся именно так, как хотел Морис. Вскрикнула, соскочила со стула, моя бледная кельтская физиономия стала еще бледнее. И кто бы отреагировал иначе, увидев глазное яблоко у себя в тарелке?

Я, конечно, знала, что у Мориса протез, вот только когда он оказывается в супе, мозг все равно сначала принимает стеклянный глаз за настоящий. Перед тобой скользкий кусочек чьего-то тела. Рациональное объяснение – что это лишь шарик из стекла – приходит в голову немного позже, когда ты уже испустил вопль.

Я посмотрела на обидчика и увидела затянувшуюся глубокую рану на том месте, куда вставлялся протез. Здоровый глаз внимательно изучал меня и мою реакцию. Я отметила про себя ехидную ухмылку заключенного, которого силой уводил медбрат. Мне стало очень стыдно: этот старик только что одолел меня.

Это был хороший пример «имитации преступления» – попытки воспроизвести эмоциональный результат или структуру преступного поведения. Морис ценил свою невероятную способность вызывать страх и отвращение у женщины внезапной демонстрацией конкретной части тела, и даже со всеми ограничениями больничной среды он сумел добиться нужного эффекта. Как жаль, что на сей раз я попалась в его ловушку! Но этот случай помог мне многое понять о

выбранной мной сфере работы. Что делать в случае с Морисом? Загадка этого человека – и моя реакция на него – самым тесным образом связана с сутью профессии судебного психолога, то есть моей повседневной работы.

Иному читателю может показаться, что все довольно просто: надо отобрать у старика протез. Вот только я не садист. У меня нет ни желания, ни права наказывать или унижать своих пациентов. Нельзя решить проблему человека – его непреодолимое желание шокировать других, испытывая при этом сексуальное удовлетворение, – отняв инструмент воздействия. Забери у него стеклянный глаз – он найдет другой способ получить удовлетворение. И не будем забывать, что, отнимая у человека часть тела, пусть даже искусственную, можно ненароком нарушить его права.

Кто-то скажет: сама виновата, нечего было обедать с Морисом. Какой нормальный человек сядет за один стол с осужденными за сексуальное преступление и не рассчитывает привлечь его внимание, хотя бы условно? Ясно ведь, что тот может положить на тебя глаз (в случае Мориса во всех смыслах этого слова). Но это обязывает жертву (в данном случае меня) изменить свое поведение – например, найти другое место, где обедать. Они ждут, что изменится жертва, а не обидчик. Но моя цель – помочь таким осужденным, как Морис, изменить их поведение. Кроме того, даже если перекрыть Морису кислород и лишить возможности видеть женщин, проблема никуда не денется. Более того, он будет еще

отчаяннее искать способ реализовать свои порывы.

В тот день мне словно бы напомнили суровым и жестоким образом об эффективнейшем способе свести на нет неадекватное поведение, а именно игнорировать подобные выходки. Конечно, так стоит поступать, только если это безопасно. Любой родитель малыша подтвердит вам это; в конце концов, речь идет об одном из основных приемов бихевиоризма³. В дебатах о соотношении влияния природы и воспитания на человеческую личность бихевиористы твердо стоят на том, что каждый при рождении как белый лист. А затем поведение формируется благодаря наблюдению за другими людьми, а также корректируется поощрением или наказанием. Матери и отцы прекрасно знают, что маленькие дети умело манипулируют взрослыми и ожидают определенной реакции на свои выходки. Воздержаться от такой реакции – задача весьма непростая.

Когда Морис ушел и мое сердце успокоилось, я поняла: если я хочу стать настоящим профессионалом, который действительно умеет решать проблемы своих пациентов, мне придется научиться контролировать собственные эмоции – управлять своим вполне нормальным автоматическим отвлечением от такого неадекватного поведения, продолжать работу как ни в чем не бывало.

Не обращать внимания на стеклянный глаз и продолжать

³ Бихевиоризм – одно из направлений в современной психологии, придающее первостепенное значение поведению человека. – *Прим. ред.*

есть.

Тот обед с Морисом был лишь одним из многих странных случаев за двадцать лет моей карьеры. Я встречалась с самыми опасными, беспокойными и беспокоящими преступниками в тюрьмах, больницах, судах, в полицейских участках, в обычных кварталах и в неблагополучных районах. Этот опыт навсегда изменил мой взгляд на мир.

Несмотря на то что моя профессия – криминальный психолог, к криминалистике (науке о преступлениях и их профилактике) я почти не имею отношения. Я также не занимаюсь оперативно-разыскной работой. Заламывать преступникам руки и валить их на землю – отличное занятие, но это не мое. И патологическая анатомия тоже (вскрывать трупы я не умею, хотя один серийный убийца как-то научил меня разделывать индейку).

Преступления совершаются людьми против людей. Судебная психология именно о них.

По большей части моя деятельность направлена на то, чтобы уменьшить количество повторных правонарушений среди тех, кто совершил преступление, а значит, сделать мир безопаснее. Пользуясь научными психологическими методами, я пытаюсь понять психические процессы, лежащие в основе совершенного преступления. Главная, я бы даже сказала, святая задача психолога состоит в том, чтобы помочь человеку изменить свое поведение и начать новую жизнь, став законопослушным гражданином. Однако чаще мне прихо-

дится давать другим советы о том, как безопаснее и адекватнее реагировать на экстремальное поведение, среди которых кого только нет – от поджигателей до детоубийц. Моя экспертная оценка и показания свидетелей помогают судьям и присяжным, комиссиям по условно-досрочному освобождению, полиции и психиатрам принимать информированное решение. Решение, которое в корне изменит жизнь подсудимого – и не только.

Моя роль неуклюже вписана в промежуток между системой уголовного правосудия и психиатрической помощи. Это две перегруженные, полные несовершенств системы, сосуществующие словно обрюзгшие старые супруги из книжки «Чарли и шоколадная фабрика» Роальда Даля. Если помните, они были вынуждены делить постель, поскольку ожирение и медлительность не позволяют им выбраться из нее.

Я предпочитаю называть людей, с которыми работаю, «клиентами». Это может звучать раздражающе политкорректно, как будто я не судебный психолог, а мастер ногтевого сервиса, но я использую этот термин как знак уважения для самых разных людей, с которыми я работаю. Не буду отрицать, что по большей части приходится заниматься мужчинами, но иногда встречаются и женщины. Я работаю как с преступниками, так и с жертвами. Зачастую выясняется, что один и тот же клиент побывал в обеих ролях.

Люди всегда были болезненно увлечены преступностью. И преступники – от Джека-потрошителя⁴ до спорно осужденного Стивена Эйвери⁵ – часто привлекают болезненный интерес публики, особенно если попирают священные ценности общества, совершая безумные в своей жестокости преступления и сексуальное насилие, трудно представимое для обычного человека. Те, кто играет не по правилам, вызывают любопытство и в то же время отвращение у законопослушных граждан. Поэтому не стоит удивляться, что новостные ленты пестрят рассказами о тех, кто преступил закон: сложно вообразить, что когда-то наш интерес к подобным сообщениям утихнет.

Вот только зачастую в новостях не рассказывают главного. Журналист поведает зрителю или читателю о совершенном злодеянии, о расследовании, о судебных слушаниях, о вынесенном вердикте и его исполнении. О том, что происходит потом, история нередко умалчивает, как будто преступник и последствия его действий растворились в тумане. Вот только с вынесением приговора жизнь осужденного, членов его семьи, жертв не заканчивается. Им всем придется научиться жить с этим. Психолог может вмешаться в происходящее на любом этапе, но, как правило, мы с коллегами приступаем к

⁴ Джек – потрошитель – предполагаемый преступник, совершивший серию убийств проституток в Лондоне в 1888 г. – *Прим. ред.*

⁵ Согласно одной из версий, причастный к смерти более чем двадцати кошек в лондонском районе Кройдон в 2015 г. По заключению полиции, все животные погибли не от рук человека. – *Прим. ред.*

делу уже после того, как суд закончил свою работу, а интерес со стороны общественности и СМИ угас.

То, о чем рассказывает эта книга, не опишут в газетах. Здесь я привожу истории о ежедневном труде судебного психолога со всеми его разочарованиями, противоречиями и редкими жизнеутверждающими моментами.

Я решила поведать о конкретных делах и случаях по многим причинам; некоторые эпизоды покажутся вам душераздирающими, другие – странными, третьи вызовут гнев. Но, так или иначе, все они оказали влияние на меня и на мою жизнь. Благодаря им я лучше стала разбираться в крайностях нашего общего человеческого состояния.

Простой таксист, с которым завязался разговор по душам, или судья, интересующийся моим профессиональным мнением, – все задают один и тот же вопрос: что, черт возьми, не так с этими людьми? Формулировка, разумеется, может быть разной, но интересует всех по существу одно и то же. Что толкает человека на серьезное преступление? Ведь если понять, в чем «поломка», можно попытаться это исправить, не правда ли? Ну или изолировать преступника от греха подалее. Мне понадобилось немало времени – пожалуй, даже слишком много, – чтобы понять: мы задаем себе совершенно неправильный вопрос.

1. Дом с монстрами

*Об уровне цивилизации народа можно судить,
когда открываешь ворота его тюрьм.*

Федор Достоевский

Когда я говорю, что работаю судебным психологом, все удивляются и судорожно начинают придумывать способы, как бы повежливее сказать, что я не похожа на человека с таким родом занятий (большинство людей ассоциирует судебного психолога с Крекером⁶, пресыщенного жизнью алкоголика, патологического игрока, настоящего «беспредельщика», сыгранного Робби Колтрейном в сериале 90-х годов). Мне часто говорят, что я слишком миниатюрная и хрупкая. И еще иногда делают неловкое движение, как бы обрисовывая мою фигуру. На самом деле они думают другое, но не решаются сказать об этом: я – женщина.

На самом деле большинство известных мне судебных психологов – представительницы прекрасного пола. Они составляют 73 % членов Британского психологического общества (профессиональной ассоциации практикующих психологов в Великобритании) и 80 % отделения судебных психологов

⁶ Крекер – прозвище главного героя британского телесериала «Метод Крекера». – *Прим. ред.*

этого общества⁷⁸. Почему же так много Х-хромосом⁹⁹? Не могу сказать за всех (а нас 2035!), но меня лично психология привлекает тем, что эта область знания дает возможность понять факты, модели и теории, объясняющие наш сложный мир. Если составить некое «руководство пользователя», жизнь будет безопаснее и стабильнее. Кроме того, психология бесконечно увлекательна, ведь таким образом мы погружаемся в чужой разум. В молодости меня это очень увлекало.

В реальности, надо сказать, меня больше всего увлекал студент-юрист, имя которого я запомню навсегда: Стивен П. Инглиш. Мое решение изучать юриспруденцию в рамках курса психологии в Шеффилдском университете было принято (как и все решения, принимаемые первокурсниками) под влиянием гормонов и дешевого сидра. Я выбрала такую специализацию исключительно для того, чтобы иметь возможность любоваться его красивой головой с задних парт студенческой аудитории, гадая, что же означает буква «П» в его имени. Превосходство? Привлекательность? Скорее всего.

⁷ Данные Британского психологического общества на август 2018 года.

⁸ Ссылки на примечания автора указываются в квадратных скобках, они приведены в конце книги. – *Прим. пер.*

⁹ Хромосома в генетике – элемент ядра клетки, определяющий наследственность и пол человека. Хромосомный набор у женщин состоит из двух Х-хромосом, тогда как у мужчин – из одной Х-хромосомы и одной Y-хромосомы. – *Прим. ред.*

Юриспруденция подвернулась совершенно случайно, но очень понравилась. И судебная психология показалась идеальным выбором карьеры. Впрочем, абсолютно счастливые истории бывают только в сказках. Я так никогда и не набралась смелости заговорить со Стивеном П. Инглишем и стала встречаться с другим старшекурсником. У него были длинные темные волосы, он непрерывно курил и носил плащ-дризабон¹⁰. Когда шел дождь (а в Шеффилде он идет всегда), мой друг надевал широкополую шляпу. В студенческий бар он вваливался, как Клинт Иствуд в салун Дикого Запада. Когда он был пьян или под наркотиками (тоже почти всегда), то становился сентиментальным и твердил, что «справедливости в мире не существует, есть только мы». Я не понимала, о чем он говорит. Подозреваю, ему это тоже было не вполне ясно.

В детстве я часто проводила субботние вечера в бабушкином доме. Мы смотрели вестерны по ее черно-белому телевизору. Бабушка была классической ирландской католичкой, настоящей главой семьи. Такие женщины всегда ухитряются выглядеть лет на пятьдесят старше, чем на самом деле: мелкая химическая завивка на голове, голубоватая краска для волос, кримпленовые платья и клеенчатая шляпа. Бабушка работала на фабрике йогуртов в Манчестере. В ком-

¹⁰ Дризабон – удлиненная куртка или короткий плащ из непромокаемой прорезиненной материи или кожи. – *Прим. ред.*

плект ее рабочей одежды входили зеленые резиновые сапоги, так что вся семья была обеспечена такой обувью.

Обычно мы смотрели ковбойские фильмы или картины с Джоном Уэйном¹¹. Больше всего бабушка любила «Тихого человека»¹². Мне этот фильм тоже нравился, потому что Морин О'Хара¹³ была единственной известной мне рыжей кинозвездой. Пройдет еще много лет, прежде чем рыжие волосы войдут в моду. Мы сидели у телевизора втроем – бабушка, я и Джоуи, желтая канарейка дяди Джона.

Люди, которые совершали дурные поступки («плохие парни», как называла их бабушка, стоило им лишь появиться на экране), казались мне совершенно не похожими на нас, словно они явились с другой планеты.

Эти фильмы научили меня четко разделять добро и зло и верить в неизбежный триумф добра. Счастливое и безоблачное детство меня в этом убедило. Мне повезло в жизни. Детские годы были комфортными и спокойными, ни я, ни члены моей семьи не сталкивались с преступностью.

В подростковом возрасте я считала плохими парнями эксгибиционистов в парке, о которых шептались мои одно-

¹¹ Джон Уэйн – американский киноактер, игравший преимущественно в классических вестернах 1930–1960-х годов. – *Прим. пер.*

¹² «Тихий человек» – фильм американского кинорежиссера Джона Форда, вышедший на экраны в 1952 г. В главной роли снялся Джон Форд. Действие картины происходит в Ирландии. – *Прим. пер.*

¹³ Морин О'Хара – ирландская киноактриса, популярная в 1940–1960-х годах. – *Прим. пер.*

классницы, или квартирных воров. Много позднее университетские разговоры о законе и порядке заставили меня задуматься о том, кто такие настоящие преступники. Лишь в студенческую пору я стала интересоваться историями громких преступлений.

В университете я училась с 1992 по 1995 год. В этот период правопорядок стал краеугольным камнем политической повестки дня. В феврале 1993 года Роберт Томпсон и Джон Венейблз замучили и убили двухлетнего Джеймса Балджера. Вся страна из телевизионных программ узнала, что один из убийц попросту увел Джейми из торгового центра. Ужас и ярость объединили всю страну. Заголовки таблоидов призывали к отмщению (никакой терпимости к убийцам – даже к десятилетним убийцам, особенно к десятилетним убийцам!). Две главные политические партии почувствовали, что голоса избирателей можно завоевать призывами к суровой борьбе с нарушителями закона.

Вообще-то в начальной школе убийства происходят крайне редко. Но Тони Блэр, занимавший должность министра внутренних дел в теновом кабинете, сразу же объявил этот случай символом «спящей» моральной совести страны под правлением тори и заявил, что лейбористы будут «суровы к преступности и еще более суровы к ее причинам». Через несколько дней после ареста убийц Джеймса тогдашний премьер-министр Джон Мейджор также призвал общество «чуть больше осуждать и чуть меньше понимать». Количе-

ство заключенных в тюрьмах стало стремительно расти. За время моей карьеры этот показатель увеличился больше чем вдвое: с 44 000 в 1992 году до почти 87 000 в 2018-м¹⁴.

Тюрьмы – главное место трудоустройства судебных психологов в Великобритании, поэтому я сразу поняла, что мне предстоит набраться опыта «изнутри». Тюремные психологи проводят различные программы коррекции поведения, пытаются изменить мышление преступников и таким образом снизить риск рецидива после освобождения. Общество считает, что это эффективно. Оно «купилось» на эту идею – в буквальном смысле, поскольку на финансирование подобных программ пошли миллионы фунтов налогоплательщиков. Я считала, что в местах лишения свободы должны не только наказывать и изолировать, но и реабилитировать. Я была готова закатать рукава и с головой уйти в работу. К тому времени у меня уже был опыт волонтерства: я выступала посредником в общении между жертвой и преступником (чаще всего моя роль заключалась в том, чтобы удержать стороны от перехода к применению физической силы). В качестве квалифицированного взрослого специалиста я присутствовала на полицейских допросах особо уязвимых подозреваемых – молодые люди, попавшие в беду или испытывающие трудности в обучении или психические проблемы. В тот

¹⁴ Commons Library Briefing Paper CBP-04334, accessed online at <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN04334/SN04334.pdf> 23 июля 2018. Лига Говарда дает подробную статистику по количеству заключенных – см. <https://howardleague.org/>.

период я не понимала, что мне самой пока еще нужна поддержка квалифицированного взрослого.

Первым из мест лишения свободы, где я побывала (хотя провела там очень немного времени), стала тюрьма Манчестера. Ее недавно перестроили, после того как там произошли серьезные бунты заключенных.

Мне едва исполнилось двадцать. Я должна была пройти краткое собеседование с тюремным психологом, а затем побывать в крыльях Е и F, где располагались камеры и помещения для групповых занятий. Сопровождающий меня сотрудник не скрывал, что подобная экскурсия была для него в тягость. Он быстро провел меня по первому этажу крыла Е. Свежевыкрашенный кирпич, синие металлические двери и поручни. Там было очень мало естественного света, а запахи мало чем отличались от студенческих квартир, где я жила. Я семенила за своим «гидом», улыбаясь заключенным — мужчинам в одинаковых серых футболках, запертым в одинаковых серых камерах. Мы шли вперед, а за нашими спинами раздавалось громкое мяуканье и завывание, отдававшееся громким эхом под викторианскими сводами. Я спросила своего спутника, почему они мяукают, но тот лишь закатил глаза. (На случай, если вы не догадались: так осужденные сообщали друг другу о том, что по коридору прогуливается «киска».)

Обстановка в тюрьме Уэйкфилд была менее оживленной.

Я попала туда летом 1996-го, через год после окончания университета. Я горячо мечтала работать по специальности и отправила заявления во все тюрьмы северного региона, предлагая свои услуги. Ответили мне только из Уэйкфилда («подмышки Йоркшира», как называют его местные жители). Предложили проект без оплаты, но меня это не волновало. Мне хотелось внести свой вклад в сокращение преступности, к тому же неплохо будет внести строчку о практическом опыте в свое резюме. Кроме того, работающему на моей должности полагалось пособие в размере 36 фунтов в неделю. А если пройти особую подготовку, которую предлагал центр занятости, то оно увеличивалось еще на десятку. Я купила себе новый костюм в S&A и сняла обшарпанную квартирку над китайской забегаловкой. К старту готова!

В Уэйкфилде содержали более взрослых заключенных, чем в Манчестере, и сроки заключения у них были куда выше. Они не утруждали себя тем, чтобы улюлюкать вслед девушке-психологу. Впрочем, это в любом случае было бы затруднительно, так как порядки здесь были очень строгие. Мы работали с осужденными категорий А и В, изолированными всерьез и надолго. Категория А требует максимально строгой охраны, поскольку в случае бегства такие преступники представляют серьезную опасность для общества и даже для национальной безопасности. Категория В менее опасна, но эти люди тоже далеко «не подарки».

Около 10 % тюремного населения в Великобритании в

те годы составляли преступники, совершившие сексуальные преступления. Их и сейчас подавляющее большинство заключенных Уэйкфилда. Многие из них совершили страшные преступления, получившие широкую известность. Неудивительно, что журналисты испытывают нездоровый интерес к месту их содержания. В прессе оно получило название «Дом монстров».

Я с детства боялась монстров. Как-то вечером отец позволил мне засидеться допоздна, чтобы посмотреть по телевизору «Тварь из Черной лагуны»¹⁵ (я росла в 70-е годы, и главным источником впечатлений для меня был телевизор). Мама в тот день работала в ночную смену в психиатрической больнице, так что она не могла указать папе, что он поступает неправильно. Не знаю, почему ему показалось, что мне это понравится. Меня и так пришлось уводить с «Инопланетянина» через десять минут после начала фильма – так напугал меня маленький пришелец со странной походкой. «Тварь из Черной лагуны» я успела посмотреть всего три минуты. Этого мне хватило: чешуйчатая перепончатая лапа невидимого чудовища появилась из воды, а потом медленно исчезла, оставив на песке следы когтей. Почему-то тот факт, что чудовище прячется, напугал меня гораздо больше, чем сам его вид. Этот старый фильм впервые заставил меня задуматься, что опасные вещи не всегда находятся на виду.

¹⁵ Фильм ужасов американского режиссера Джека Арнольда, вышедший в прокат в 1954 году. – *Прим. пер.*

Тюрьма в Уэйкфилде существовала с XVI века, но большинство ее зданий относится к Викторианской эпохе: длинные многоэтажные галереи камер, расходящиеся от центральной площадки в разные стороны, словно разбитый циферблат (время здесь действительно отсчитывалось и учитывалось очень тщательно). Такое радиальное устройство тюрем диктовалось теорией паноптикона¹⁶, предложенной английским философом XVIII века Джереми Бентамом. Он считал, что при подобной планировке один надсмотрщик, располагающийся в центре, сможет с легкостью следить за всеми камерами, а заключенные будут чувствовать постоянное потенциальное наблюдение, и это заставит их менять свое поведение к лучшему. Разумеется, на практике все время смотреть за всеми невозможно, и, если кто-то хочет совершить что-то недозволенное, достаточно всего лишь выбрать удобный момент. Когда я работала в этой тюрьме, дохлые голуби частенько выпадали из окон камер крыла А, выходящих наружу. Заключенные подкармливали птиц через отверстия, пробитые давным-давно, а потом (если им приходила в голову такая мысль) сворачивали им шеи и отправляли несчастных в последний полет, желательно в тот момент, когда внизу проходил кто-то из тюремщиков.

Психологи тюрьмы Уэйкфилд поручили мне черновую ра-

¹⁶ Паноптикон (паноптикум) – проект тюрьмы, в которой заключенные находятся под постоянным наблюдением. – *Прим. ред.*

боту для исследовательского проекта. Мне предстояло беседовать со всеми заключенными, которые насиловали и убивали женщин. Цель состояла в том, чтобы разобраться с нарастанием агрессии и понять, что заставило насильника превратиться в убийцу. Я собирала информацию для последующего анализа, связанного с мотивационными типами насильников. Важно было понять, пытались ли осужденные компенсировать сексуальные нарушения, действовали ли под влиянием гнева, стремились ли ощутить власть и контроль, были ли садистами или последовали случайному порыву в подходящих обстоятельствах? Эти данные планировалось использовать для составления руководства для женщин – как следует действовать в случае сексуального нападения. Идея была такова: женщина, находящаяся под физическим и эмоциональным давлением нападавшего, должна была быстро определить мотивационный профиль преступника и выбрать определенную линию поведения, чтобы не быть убитой.

Поразительно, что такой серьезный опрос поручили юной выпускнице университета, не имевшей ни специальной подготовки, ни профессионального опыта! Не менее удивительно и то, что организаторы проекта изначально полагали, что отвечать за то, насколько жестоким будет в итоге преступление, должна сама жертва, а не напавший на нее злодей. Могу представить себе итоговый буклет (нечто подобное мы иногда видим в приемных у врачей): «Женщины! Невежество

может привести вас к гибели! Мы настоятельно рекомендуем избегать изнасилования, но если оно все же произошло, используйте наше простое и удобное руководство!»

В первую неделю, еще до начала практической работы, я прошла стандартный инструктаж. Его проходят все новые сотрудники, не входящие в основной штат тюрьмы. Нам показали, где находятся туалеты, рассказали, что делать в случае пожарной тревоги и как носить ключи. Их нужно было тщательно пристегнуть цепочкой к поясу и желательно еще и прятать в сумочку. Доставая их на глазах у заключенного, следовало прикрывать их ладонью. Надо сказать, что во всех этих совершенно утилитарных пояснениях звучала одна мысль: существуют «они» и «мы». Это было как бы особой «фишкой», главным девизом Уэйкфилда. Эту истину обязаны были усвоить все, кто находится здесь.

Работники единодушно и активно поддерживали установку на суровое моральное противостояние. По одну сторону баррикад находились заключенные – сила зла, которых следует победить и подчинить. По другую – служащие тюрьмы, безупречные воины добра. Такой настрой вполне адекватно отражал упрощенное деление на хороших и плохих парней, которое еще в детстве усвоила из фильмов, просмотренных вместе с бабушкой.

В реальности это вовсе не было мирным соглашением, а, скорее, полной противоположностью тому, что сегодня называют «здоровой динамикой» или «безопасными отноше-

ниями», когда все стараются научиться ладить друг с другом. Накапливающаяся напряженность между тюремщиками и заключенными была ощутима почти физически. К примеру, за неделю до моего выхода на работу служащий тюрьмы совершал привычный утренний обход. Заключенный зарезал его бритвенным лезвием, прикрепленным скотчем к ручке зубной щетки. Если ты демонстрируешь желание помочь заключенным встать на путь исправления или предполагаешь в них наличие чего-то человеческого, это означает лишь одно: ты неправильно выбрал сторону и стал предателем. Один сотрудник Уэйкфилда честно заявил мне, что местные психологи пребывают в опасном заблуждении, потому что хотят творить добро. И к тому же все они лесбиянки.

Мне тогда не терпелось начать карьеру, и я с энтузиазмом взялась за проект. Мне выдали список фамилий и тюремных номеров заключенных, которые были осуждены не просто за убийство женщин, но и за изнасилование или сексуальное нападение. А еще я получила опросник – список всего самого ужасного и жестокого, что можно сделать с женщиной. (Кое о чем, например, о потрошении, то есть об извлечении внутренностей жертвы, я никогда не слышала, не говоря уже о том, чтобы связывать подобные действия с сексом.) Я должна была задать заключенному вопрос, совершал ли он нечто подобное, и, получив утвердительный ответ, продолжить расспросы. Нужно было узнать о поведении жертвы и

проанализировать, к чему могли привести варианты ее реакции.

Опросник был очень длинным, каждое собеседование длилось часа полтора. Задавать подобные вопросы мужчинам – любым мужчинам, а осужденным преступникам в особенности – было, мягко говоря, дискомфортно. Я знала, что постоянно заливаюсь краской, но изо всех сил старалась быть «в первую очередь психологом и лишь во вторую – женщиной» (очень расплывчатый совет, который я получила от своей руководительницы).

Некоторые собеседования давались мне особенно тяжело. Один мужчина сказал, что откусил женщине сосок: он пришел в ярость, потому что она не пыталась сопротивляться. По его мнению, это доказывало, что нападение доставляло ей наслаждение, следовательно, она была «шлюхой». Исследования показывают, что не менее 70 % жертв изнасилования действительно не дают отпор, а как бы «замирают»¹⁷. Если бы я встретилась с тем мужчиной сегодня, мы смогли бы профессионально и откровенно обсудить его мысли. Но тогда я не знала, как реагировать. Я инстинктивно дернулась, чтобы прикрыть собственную грудь, но вовремя заметила свою реакцию, опустила руку, записала его ответ и перешла к следующему вопросу. Другие заключенные сознательно ослож-

¹⁷ 70 процентов жертв изнасилования замирают... Moller, A., Sondergaard, H.P. and Helstrom, L., 2017, 'Tonic immobility during sexual assault – a common reaction predicting post-traumatic stress disorder and severe depression', *Acta Obstetricia et Gynecologica Scandinavica*, 96(8), pp. 932–938.

няли мою работу: они просили меня подробно объяснить, что означают научные термины. («Мисс, а что означает пальцевое проникновение?») Скучающим и лишенным интимной жизни осужденным наши разговоры должны были казаться бесплатным сексом по телефону, а вовсе не научным исследованием. Меня сразу же бросили на глубину и оставили плавать среди акул.

Стоит отметить, впрочем, что в общении с преступниками у меня хотя бы был заранее намеченный сценарий. Взаимодействие с некоторыми коллегами давалось куда сложнее. На второй неделе я пришла в администрацию и попросила у дежурного офицера, ворчливого зануды, индивидуальный тревожный сигнал изнасилования (особую разновидность тревожной кнопки, отличающуюся от тех, какими были снабжены все служащие тюрьмы). Он повернулся к другим мужчинам, находившимся в той же комнате, и заявил:

«То есть ты думаешь, что на тебя сегодня нападут? Ребята, эта девчонка считает, что ее сегодня изнасилуют!»

А потом он потребовал, чтобы я поменяла туфли, если хочу получить сигнал. По его мнению, мои консервативные туфли на среднем каблуке будили в заключенных сексуальные фантазии. Я ушла из офиса, не добившись своего, но зато в своих туфлях. Меня душили слезы. Оказавшись вдали от осуждающих взглядов, я разрыдалась.

Какой совет я сегодня дала бы себе двадцатилетней? Обращай внимание на знаки, которые расставлены на твоём пу-

ти, как гигантские рекламные плакаты на оживленной торговой улице! Уже тогда зловещие сомнения закрадывались в душу, но страстное желание хорошо выполнить свою работу было сильнее. Начало карьеры сопровождалось бурным энтузиазмом. Мне казалось, что, если я дам хоть малейшую слабину или, того хуже, на что-то пожалуюсь, меня немедленно выгонят.

По прошествии нескольких недель симпатизировавший мне работник тюрьмы отозвал меня в сторону и спокойно сообщил, что ежедневный утренний обыск (служащий-мужчина тщательно ощупывал все мое тело, чтобы убедиться, что я не собираюсь пронести в тюрьму мачете) – необязательный пункт программы. Оказывается, такой процедуре подвергаюсь только я! Ничего подобного не проделывали ни с одной другой женщиной. И ни с одним другим мужчиной. Я стояла как громом пораженная!

Сегодня мы в лучшем случае назвали бы это недопустимым сексуальным домогательством. Но в то время я еще не представляла, что такое женоненавистничество. И уж точно не готова была заявить об этом. Это происходило в 90-е годы в Йоркшире, где в пабах по воскресеньям все еще выступали стриптизерши. Никаких хештегов еще вообще не существовало, не говоря уже о движении #metoo. После того разговора я просто начала со смехом отвергать «предложения» утреннего обыска. Интуиция подсказывала, что лучше просто посмеяться, чем устраивать истерику.

В Уэйкфилде располагался колледж тюремной службы. Центр обучения находился не в самой тюрьме, но поблизости от нее. Многие жители города работали тут, должности переходили из поколения в поколение. На охранных должностях некоторые люди самоутверждались, упивались своей властью. Когда в 2004 году я прочитала в докладе главного королевского инспектора тюрем о том, что в Уэйкфилде «чрезмерно строгий режим», а некоторые сотрудники проявляют неуважение по отношению к заключенным, это не стало для меня неожиданностью.

Некоторые молодые служащие считали себя настоящими князьями: тюрьма была их замком, и все ключи хранились у них. Многие из них щеголяли загаром, приобретенным в городском солярии, а не под скудным уэйкфилдским солнцем. В обеденный перерыв они покидали место работы и ходили загорать. Цель у них была простая – выглядеть привлекательнее, чтобы найти себе партнершу на вечер. Ходили слухи, что группа тюремщиков по вечерам отправлялась в «Золотую милю» (самый известный в Уэйкфилде стрип-клуб). Там они снимали девушек, привозили их на тюремную парковку и занимались сексом прямо под камерами, чтобы развлечь своих коллег из ночной смены. Когда я прочитала об этих «забавах» в газетах спустя много лет, то несколько не удивилась. Станным показалось лишь одно: почему мне тогда не приходило в голову сравнить такие случаи с поведением моих преступников, которых я опрашивала?

Некоторые тюремщики стали приглашать меня на свидания. Позже я узнала, что служащие устроили настоящие соревнования. Делались ставки на то, кому удастся затащить меня в постель. Мое появление в этом преимущественно мужском мире, в котором любая новая женщина приобретает особую ценность, стало настоящим событием.

Первым начал ко мне подкатывать старший тюремщик крыла С Джон Холл. Он получил право первенства, так как иерархия здесь соблюдалась строго, даже в таком деле, как ухаживание за новой девушкой. Холл подошел ко мне, когда я изучала документы в архиве, где хранилась вся информация о заключенных. Я просматривала газетные вырезки, дисциплинарные взыскания, судебные приговоры, жалобы, переписки с членами семьи – словом, все, что относилось к каждому заключенному. В некоторых папках находила даже фотографии с мест преступления – эти зловещие материалы изымали, если преступники предлагали их другим для мастурбации или просто похвалялись своими подвигами.

Все это происходило до цифровой эпохи, и бумажные материалы собирали в стандартные картонные папки. Они стояли на стеллажах, установленных вдоль стен длинной, узкой комнаты. На каждой из них были написаны имя заключенного и его номер. Здесь побывали Чарльз Бронсон¹⁸, началь-

¹⁸ Майкл Питерсон, известный как Чарльз Бронсон, – рецидивист, считающийся самым знаменитым заключенным Великобритании. Ряд своих преступлений,

ник штаба ИРА¹⁹ Катал Гулдинг²⁰, Джереми Бамбер²¹, Майкл Сэмз²² и Колин Айрленд²³. Так что тюремный архив представлял собой нечто среднее между собранием светской хроники и коллекцией ужастиков.

Джон Холл вошел, когда я читала документы Айрленда, содрогаясь от сцен, представавших перед моим мысленным взором. Преступник убил пять геев и оставил их трупы в жутких и непристойных позах. Таким образом он показывал свое глубокое презрение к ним. Это был знак, посланный полиции и журналистам, освещавшим это дело. В папке обнаружили письма поклонников Айрленда. Я никогда прежде не видела ничего подобного. Убежденные крайне правые гомофобы писали своему кумиру восторженные письма, поздравляли с успехом его предприятия. Эти послания, изрисованные свастиками, были перехвачены тюремной цензу-

в том числе несколько захватов заложников, он совершил, находясь в тюрьме. – *Прим. ред.*

¹⁹ ИРА, Ирландская республиканская армия, – террористическая и политическая организация, выступающая за присоединение Северной Ирландии к Ирландской Республике. – *Прим. ред.*

²⁰ Катал Гулдинг – ирландский террорист и политик. – *Прим. ред.*

²¹ Джереми Бамбер осужден в 1985 году за убийство пяти человек. Отбывает пожизненное заключение. Неоднократно заявлял о своей невиновности. – *Прим. ред.*

²² Майкл Сэмз – преступник, похищавший, насиловавший и убивавший женщин. В 1993 году приговорен к пожизненному заключению. – *Прим. ред.*

²³ Колин Айрленд – серийный убийца, жертвами которого становились гомосексуалисты. – *Прим. ред.*

рой и помещены в личное дело заключенного. Я смотрела на них и гадала, как, черт возьми, люди могли докатиться до такого.

В поведении Джона Холла не было ничего особенного. Он прошелся по архиву, заметил меня, развернулся, подошел и сел рядом. Холл был (наверное, и остается) мужчиной крупным, высоким, так что я не могла притвориться, что не заметила его. Он спросил, как я освоилась на новой работе, не нужна ли мне какая-то помощь, не показать ли мне Уэйкфилд. И не хочу ли я вечером сходить с ним в паб. Я не хотела. «Спасибо, нет», – вежливо ответила я. Но в глубине души я чувствовала, что нужно объяснить свой отказ, поэтому сказала, что меня уже пригласили в гости. На самом деле в гости меня никто не звал, но я все же выбрала такую отговорку.

Потом меня позвал на свидание еще один служащий тюрьмы. Он был на несколько лет меня старше и совсем не относился к типу мужчин, с которым у меня могли бы возникнуть романтические отношения. Но в Уэйкфилде я чувствовала себя очень одинокой, вдали от родных и друзей, а он был симпатичным – и настойчивым.

Мое время в Уэйкфилде подходило к концу. Исследование, над которым я работала, потихоньку свернули (как и многие другие). Мне стали давать обычные задания. Я проводила скучное анкетирование персонала и занималась администрированием программ для лечения лиц, совершив-

ших преступления на сексуальной почве. Ставку в Уэйкфилде я так и не получала, поэтому начала искать оплачиваемую работу. (Чуть позже я нашла место судебного психолога-стажера в психиатрической больнице для правонарушителей. Это была моя первая настоящая занятость по специальности. Это уже были не осужденные, а пациенты в полном смысле слова.)

Как-то мой новоиспеченный «бойфренд» сообщил, что он вместе с другими тюремщиками написали для заключенных рождественский плакат «С Рождеством! Пусть Новый год принесет исполнение всех желаний!» и повесили его в столовой. Я поморщилась. Сомнительное пожелание... После новогоднего дежурства он приехал в дом моих родителей в Стокпорте, чтобы забрать меня и отвезти в Уэйкфилд. Тогда он беседовал с моими мамой и папой, по-хозяйски положив мне руку на колено. Я приняла его демонстрацию заботы за любовь. Но очень скоро я поняла, что он не любил меня, а только стремился к контролю. До этого его поступки казались мне романтическими. Подсознательное влияние просмотренных вместе с бабушкой фильмов было очень сильным: она буквально таяла, когда Джон Уэйн в «Тихом человеке» яростно целовал Морин О'Хару, хотя та изо всех сил пыталась вырваться из его объятий.

В 2006 году старшего тюремщика Джона Холла арестовали, судили и приговорили к пожизненному заключению. За

восемь лет, что он проработал в Уэйкфилде (включая и то время, когда там трудилась я), он изнасиловал четырех женщин, в том числе и коллегу по работе. Когда одна из жертв умоляла его остановиться, он так сильно ударил ее по лицу, что сломал ей челюсть. Он похитил трех девочек, самой младшей из которых было всего 12 лет. Преступник заманивал их в свою машину, отвозил в уединенные места, блокировал двери, срывал с них одежду, трогал их интимные части тела и мастурбировал перед ними. После ареста полиция обнаружила в его компьютере материалы, связанные с насилием над детьми. Во время нападений Холл пользовался своим служебным удостоверением и всегда был в форме тюремного служащего. Жертвы принимали его за полицейского. До меня дошли слухи, что коллеги Холла были глубоко потрясены его арестом. И мне сразу вспомнилась старинная история о лягушке в кипятке. Возможно, в то время в Уэйкфилде все мы были такими лягушками, которые не чувствуют, что их варят. Кто-то был крупной жабой, а кто-то поменьше.

Люди не всегда посылают предостерегающие сигналы. Внешность бывает обманчивой. Потенциальный злодей может служить охранником в тюрьме или патрулировать улицы. У него может быть семья и карьера. Он может пользоваться авторитетом и доверием. Он может быть вашим знакомым и вовсе не обязательно соответствует тем стереотипам, которые бытуют в цивилизованном обществе относительно преступников. Хорошим, законопослушным гражда-

нам кажется, что они знают, каким должен быть настоящий правонарушитель, и от этого им легче жить. Мы все психологически отстраняемся от тех, кто преступил черту, дегуманизируем их, считаем чудовищами. Такое отношение влечет за собой ряд последствий, пагубных для нас самих. Мы перестаем замечать тех, кто живет среди нас, но при этом опасен. Важно понимать, что на самом деле между нами и ими действительно нет разделительной перегородки. «Нас» и «их» не существует. Есть только «мы».

2. Большие мальчики не плачут

Когда мы не можем найти способ рассказать свою историю, эта история начинает править нами.

Стивен Гросс. «Искусство жить»

Незадолго до получения приговора Патрик Томпсон попытался покончить с собой, но промахнулся, и дробовик вместо того, чтобы вышибить ему мозги, оторвал кусок лица слева. Когда он с утра зашел в нашу небольшую комнату для допроса, я не смогла полностью скрыть шок. С левой стороны у него не доставало мочки уха, части челюсти и половины щеки, а то, что осталось, представляло собой жуткое месиво из шрамов, отеков и дыр. Другая половина лица тоже была изуродована, даже скорее расплавлена, а правый глаз покрылся пеленой. К счастью, Патрик принес с собой свои картины, что позволило нам обоим немного отвлечься. Мы провели буквально несколько минут, рассматривая его произведения и обсуждая его работу, пока нам не удалось хоть как-то свыкнуться с той безумной ситуацией, в которой мы оказались. Я пришла с одной конкретной целью: выяснить, есть ли у Томпсона планы на новую попытку самоубийства.

Дело было в конце 90-х; за пару лет до этого я уже занималась исследованиями в исправительном учреждении и вот вновь оказалась в подобном месте, на этот раз на времен-

ной должности в больничном крыле местной тюрьмы категории В²⁴. В большинстве тюрем имеется больничное отделение, куда попадают заболевшие или травмированные заключенные. Там за ними присматривают тюремные медсестры, а при большом везении – приходящие врачи, имеющие основную работу «на воле». Могу со всей уверенностью заявить: тюремная больница – последний круг ада. Это страдающие и умирающие люди, пациенты со страшными травмами, алкоголики и наркоманы, мучающиеся от «ломки». Ниже опускаться уже некуда. Там даже пахнет безнадегой – дезинфицирующими средствами, потом, рвотой и испражнениями. А какие страшные шумы преследуют того, кто туда зашел, эхом отзываясь в его голове! В любой тюрьме посетители отмечают постоянный фоновый гул болтовни, раций и других повседневных звуков. А вот в больничном крыле тишину регулярно нарушает какофония криков, рыданий, звуки ударов и сирен. В такой атмосфере быстро сдают нервы. Но я все же как-то сумела к ней привыкнуть.

На второй день работы я пришла в допросную в сопровождении офицера оперативной поддержки (ООП), ответственного за вход, выход и перемещение посетителей. Это был кругленький бородатый мужчина с весьма внушительным животом – в других обстоятельствах он сошел бы за Санта-Клауса. Мой провожатый был откровенно рад пооб-

²⁴ Британская тюрьма категории В примерно соответствует колонии строгого режима. – *Прим. пер.*

щаться с новым человеком и болтал без умолку, пока мы шли по коридорам и лестницам. В частности, рассказал, что многие сотрудники уходят на больничный, чтобы как-то справиться от стресса. А еще недавно кого-то избили заключенные.

Мы прошли мимо «безопасной камеры» – особой палаты, которая имеется в большинстве тюремных больниц. Вместо двери там решетка, через которую можно постоянно следить за теми, кто там находится. Внутри нет никаких острых предметов, повеситься тоже невозможно. Я краем глаза увидела узника этой камеры; он помахал мне, я кивнула в ответ. А ООП тут же поведал: мужчину пару ночей назад отвезли в приемный покой больницы после того, как он вскрыл старую рану в паху, которую когда-то сам себе и нанес, и напихал туда грязной туалетной бумаги, чтобы умереть от заражения крови. Сопровождавший его служащий, к которому незадачливый самоубийца был прикован наручниками во время визита к тюремному врачу, думал, что заключенному просто захотелось сменить обстановку или получить бесплатных наркотиков в виде наркоза. Поэтому охранник заявил дежурной медсестре: «Никаких обезболивающих на время промывки и зашивания раны». В итоге пациент так сильно дергался от боли, пока накладывали швы, что вывихнул плечо офицеру, к которому был прикован, причем все свидетели отчетливо слышали треск сустава. Мой болтливый сопровождающий искренне полагал, что рассказывает забав-

ную историю, но быстро поник, увидев, что я нахмурила брови – сурово, как королева Виктория.

Дело было лютой зимой, холод пробирал до костей, и я, помнится, на работу тогда ходила в своей стандартной «тюремной спецодежде» – плотных брюках и черном шерстяном свитере с объемным воротом. В той комнатушке, где мне приходилось общаться с пациентами, стол был намертво прикручен к перегородке, чтобы никто не мог перевернуть его и швырнуть в кого-то из персонала. Огромный обогреватель, свисавший со стены, как кирпичик из конструктора Lego, работал во всю мощь. Так что, даже если Томпсон и не собирался вновь пытаться покончить с собой, нам обоим казалось, что в допросной мы попросту сваримся заживо.

Больничное крыло, построенное в 1980-х, располагалось в пристройке к основному блоку: низкие потолки, режущий глаза свет люминесцентных ламп, стандартная пластиковая мебель, линолеум на полу. Все было серо-зеленого цвета, который, по идее, должен успокаивать, а на деле повергал в уныние. Из-за ужесточения законодательства в середине 90-х наблюдался медленный, но верный рост числа заключенных, при этом правительство сокращало бюджет тюремной системы, да и строительство новых тюрем не покрывало «спроса». Сотрудников не хватало. Постоянная переполненность тюрем, их явная запущенность – норма на сегодняшний день – тогда только-только начинали сказываться. Я не устаю повторять: если сотруднику службы исполнения нака-

заний недостает самосознания, то он в конечном счете становится похож на тех, за кого отвечает. Персонал явно страдал от перегрузок, от недостатка моральной поддержки.

Из-за дефицита кадров работа по исправлению правонарушителей сходит на нет. Заключение лишают работы и образования, терапии и консультаций. Они меньше беседуют, по крайней мере на жизненно важные темы, с персоналом и друг с другом, все больше времени проводят в камерах. В том исправительном учреждении, где работала я, в одиночные камеры помещали троих, и они теснились там, как сельди в бочке. Одиночка хорошо изолирует человека, но одновременно и «запирает» его разум. Поэт Иосиф Бродский, лауреат Нобелевской премии, как-то сказал: «Тюрьма – недостаток пространства, возмещенный избытком времени; для заключенного и то, и другое ощутимо». У людей, проводящих по двадцать три часа в сутки взаперти, нет ни цели, ни стимула жить. И, что хуже всего, у них нет надежды. Отсюда и тяга к суициду.

Суициды встречаются не так уж редко. Простая задача – позаботиться о том, чтобы такой-то человек дожил до такого-то срока, – оказывается, к сожалению, не такой уж и простой. По таким показателям, как число заключенных и количество самоубийств среди них, Великобритания лидирует в Европе²⁵. (Вообще-то суицид был запрещен законом вплоть

²⁵ Fazel, S., Ramesh, T. and Hawton, T., 2017, 'Suicide in prisons: an international study of prevalence and contributory factors', *The Lancet Psychiatry*, 4(12), pp. 946–

до 1961 года. Но мне не довелось встретить людей, которых обвиняли бы в совершении самоубийства.) В Англии и Уэльсе заключенные мужского пола сводят счеты с жизнью в шесть раз чаще, чем мужчины на воле, а женщины – в двадцать раз чаще. Решение закончить свою жизнь самоубийством приходит не мгновенно. В большинстве своем к нему приходят осужденные, проявляющие те или иные признаки серьезного расстройства личности. Таких случаев порядка 70 %, по данным Фонда за реформу пенитенциарных учреждений²⁶. Неясно, сколько из них сходят с ума уже после попадания в тюрьму. Но даже краткосрочное заключение существенно повышает шансы развития расстройства личности в будущем. В Великобритании осужденные, отбывающие недолгое наказание (шесть месяцев и менее), по статистике, составляют примерно половину от общего числа тюремного населения. И они все в зоне риска. После срока редко кто возвращается без психических отклонений. Это почти как поездка в ИКЕА, откуда невозможно уйти без покупки.

В этой тюрьме у меня постоянно возникало ощущение, что «корабль» уже тонет. Работа персонала по сути свелась к тому, чтобы, постоянно вычерпывая воду, попытаться хоть как-то удержать судно на плаву. При этом требовалось использовать так называемый Протокол F2052SH, цель кото-

²⁶ Фонд за реформу пенитенциарных учреждений – британская благотворительная организация, выступающая за гуманизацию исправительной системы Великобритании. – *Прим. пер.*

рого выявлять заключенных, склонных к самоубийству или членовредительству. Эта обязанность лежала на медсестрах и сотрудниках службы исполнения наказаний – тех, кто каждый день видит осужденных и хорошо их знает. Однако кадров катастрофически не хватало, а группа риска все росла. Поэтому и решили пригласить на постоянную работу психолога, чтобы было кому разбираться с огромной кучей открытых дел. Будь у меня хоть какие-то иллюзии относительно исправления преступников как главной моей задачи, они бы разбились о реальность как о неприступную скалу.

Я тогда стала для заключенных своего рода ангелом-хранителем из полевого госпиталя, а тот жаркий чулан в больничном крыле – местом последней надежды. Я задавала вопросы, наблюдала, пыталась найти какие-то признаки грядущего суицида, будь то разрыв отношений, в которых человек состоял на воле, издевательства со стороны сокамерников, плохое самочувствие или откровенные планы свести счеты с жизнью. Стандартного и очень важного опросника было явно недостаточно, ведь человек, уже решивший наложить на себя руки, вряд ли захочет рассказать о своем намерении незнакомой женщине в какой-то камерке, натопленной как баня. И кроме того, помимо самого факта пребывания в тюрьме у человека может быть тысяча причин перейти грань, и было бы как минимум слишком самонадеянно просто указать пальцем и сказать: причина вот в этом. Такую самоуверенность я себе позволить не могу.

Патрика Томпсона привели ко мне из его камеры в крыле В. До того, как он вошел, я лишь мельком взглянула на суицидальный протокол. Его начали вести всего недели три назад, когда заключенный попытался повеситься на импровизированной петле из простыни – самый популярный метод самоубийства в местах лишения свободы.

Я понимала, что он принес с собой свои картины, чтобы как-то отвлечь мое внимание от своего лица, а значит, знал об инстинктивной реакции людей на это зрелище. Я была благодарна за это. Заключенные вообще часто рисуют, это помогает им отвлечься от повседневного ужаса тюрьмы, обходясь без порнографии или чего незаконного. Картины напомнили мне Ван Гога в худшие дни его жизни: крупные, небрежные мазки, портреты неизвестных мужчин и женщин, неизменная чаша с фруктами, пейзажи зеленых полей с деревьями и знакомыми берегами. Простые бытовые темы, отраженные в эдакой грязноватой, полуабстрактной манере. Нужно отойти на несколько шагов, чтобы лучше понять, что нарисовано. Патрик рассказал, что, хоть и был правшой, рисовать ему пришлось левой рукой: на правой отсутствовали указательный, средний и безымянный пальцы. Мне стало интересно, что произошло, но спросить я не решилась. Просмотрев картины, я поставила их у стены за собой и начала работать по опроснику.

Что я получила? Безучастные, предсказуемые однослож-

ные ответы. Казалось, что клиент все свои силы тратит на то, чтобы выплюнуть свое «да» или «нет», избегая зрительного контакта и не утруждая себя пояснениями. Человеку было явно некомфортно разговаривать на столь личные темы, а потому он словно бы старался побыстрее все закончить. Когда я спросила, собирается ли он еще раз попытаться совершить самоубийство, даже ответа толком не было: лишь почти незаметный кивок и расширившиеся на пару секунд ноздри. Ну а что я хотела? Явилась какая-то незнакомка и требует рассказать, почему ты хочешь умереть.

Закончив беседу, я вынесла вердикт: заключенный в депрессии, статус «высокий риск суицида» остается в протоколе, из общей камеры не переводить. Что-то менять, например, помещать на усиленное наблюдение (привет, «безопасная камера»!), или применять какие-то другие меры сохранения жизни не стоило, они бы только унизили человека и ухудшили положение вещей. Да и потом, при таком кадровом кризисе тюрьма даже не могла бы позволить себе никаких дополнительных мер. Понимая, что больше ничего не услышу, и глядя на часы (мне еще предстояло проверить два десятка других досье), я встала, чтобы отдать собеседнику картины.

И тут осознала: картин больше нет! Я их поставила рядом с тем чертовым обогревателем, в итоге краска слизью стекла с холстов на линолеум. Пластиковый пакет, в котором они лежали, тоже расплавился, сморщился и прилип к обогрева-

телю.

Твою ж мать! Я только что превратила предмет гордости и радости своего пациента в липкую жижу. Пришла утром с задачей спасти жизни, а вместо этого сделала все, чтобы повергнуть человека в еще большее уныние. В отчаянии я стала пытаться отклеить спрессовавшиеся картины одну от другой, чтобы спасти хоть что-то, при этом понимая, что меня вот-вот разберет истерический хохот. Я знала, что Патрик наблюдает за мной, и развернулась, чтобы посмотреть на его реакцию. Он увидел ужас в моих глазах, и тут случилось невероятное: клиент засмеялся сам! Я сначала даже не опознала это как смех. Развороченное лицо моего подопечного исказилось, он издал резкий звук, похожий на дыхание с присвистом. А потом взял один из потекших портретов и приставил к своему лицу, как бы показывая: а что, похож ведь! То есть попытался меня утешить.

Я не сдержалась и засмеялась вместе с ним. И вот мы уже оба сидим, ржем как кони и не можем остановиться. Только чуть успокоились, а потом взглянули друг на друга – и снова покатались со смеху.

Я все пыталась извиняться, когда медсестра заглянула к нам через окошко в двери, а потом просунула голову внутрь, чтобы убедиться, что все в порядке. Шок и неодобрение на ее лице на секунду напомнили мне Кеннета Уильямса²⁷ в филь-

²⁷ Кеннет Уильямс – британский комедийный актер. – *Прим. пер.*

ме «Давай, Мэтрон»²⁸. Должно быть, к хохоту в больничном крыле никто не привык (да в тюрьме как-то обычно и не до смеха). Все были уверены, что я выявляю риск суицида.

Тогда я поняла, насколько в моей работе важен юмор. Иногда в самой неподходящей ситуации смех – единственный подходящий ответ. Любой экстренной службе, будь то «Скорая помощь» или спасательная бригада, черный юмор помогает справиться даже с самой тяжелой ситуацией. Но в психологии и психиатрии смеяться вместе с пациентом как-то не принято: это неправильно, не по протоколу. Психологи представляют холодным и расчетливым наблюдателем, застегнутым на все пуговицы, а судебных психологов к тому же учат держать людей на расстоянии. Но при таком подходе можно превратиться в робота. Определенные границы, конечно, должны быть, но жертвовать искренностью не стоит.

Смеясь над испорченными картинками Патрика, я нарушила неписанные правила. Но, должна признаться, хорошую шутку без злого умысла я люблю: смейся с людьми, а не над ними – вот мое правило. И такой смех может стать весьма эффективным инструментом. Нет лучшего способа разрядить обстановку. Шутке всегда найдется место, даже в беседе с заключенным, который может совершить самоубийство. В итоге наш с Патриком приступ хохота возымел на моего подопечного неожиданный эффект. Он заплакал.

²⁸ «Давай, Мэтрон» (Carry On Matron) – британская криминальная комедия (1972 г.). – *Прим. пер.*

Я быстро достала из припасенной на такой случай коробки салфетку. Вряд ли кто-то из заключенных мог себе представить, что вдруг разрешится передо мной. Патрик сказал, что льет слезы не из-за картин, а из-за «всего остального». Я посмотрела на часы, зная, что в график уже никак не укладываюсь, но прерывать его не стала, а спросила: «Чего всего?» Замкнутый и угрюмый тип, которого еще несколько минут назад было невозможно расшевелить, вдруг раскрылся, почувствовав простое человеческое расположение. Он почувствовал, что все мы уязвимы. Естественно, я не собиралась прерывать его откровения.

Патрику было уже под шестьдесят. Невысокий, широкоплечий, почти квадратный, с мощными ногами и толстой шеей, он работал ночным охранником где-то на сельскохозяйственном складе у себя в деревне. Он вырос в сельской местности, посреди бескрайних полей, в спокойном мирке, где люди ходят друг к другу в гости по лугам и лесным тропинкам. Во время дежурства он ночевал в небольшой пристройке к складу, охраняя сельхозмашины, кормившие всю деревню. Это вряд ли была работа мечты, но она давала цель и смысл жизни.

Однажды ночью владелец склада, работодатель Патрика, устроил пожар в здании, чтобы получить страховку. Он отключил сигнализацию, и охранник узнал о бушующем пламени только тогда, когда почувствовал запах дыма, просочившегося под дверь. Патрик вскочил со стула и открыл

дверь в основное помещение, однако его сшибло с ног взрывной волной.

Мой клиент тогда получил немало серьезных травм: ожоги по всему лицу, а на правой руке потерял три пальца. Повезло еще, что он вообще выжил.

Владелец склада отсидел небольшой срок в тюрьме, а Патрик провел много времени в больнице, где ему сделали несколько болезненных пластических операций и пересадку кожи. Пока мужчина лечился, от него ушла жена. Просто уехала из дома. А еще мужчина фактически перестал разговаривать: мешали швы на лице.

Несколько месяцев спустя, не в силах научиться жить в новой реальности, он попытался покончить с собой, застрелившись из собственного дробовика (лицензия на оружие имелась: обычное дело для фермера). Он вставил ствол ружья в рот, надеясь, что сейчас все закончится, но, будучи лишен указательного пальца, не смог выстрелить точно – и чудом остался жив. Жив без половины лица, причем именно той, которую не затронул пожар. Снова хирургия, снова недели безмолвных мучений в больнице, но теперь еще и с пониманием, что дома его никто не ждет.

Изуродованный, безработный, одинокий Патрик решил, что пора разобраться с бывшим работодателем. Ночью он напился допьяна и отправился к тому домой, чтобы «расплатиться по счетам». И остановиться вовремя не смог. Он взял полено из лежавших у входа дров и стал избивать обидчика.

А когда тот уже лежал, бездыханный, на земле, принялся пинать тело ногами. Патрик признался мне: в этот-то момент он видел перед собой не человека, а лишь свою боль. И тогда ему стало легче, пусть и ненадолго. Но стоило ему только взглянуть на безжизненное тело на земле, как он пришел в ужас от содеянного, взял телефон своего бывшего работодателя и вызвал «Скорую».

Разве импульсивный, ослепленный гневом человек, который размахивает кулаками и кидается на первого встречного, так бы поступил? Нет. В случае с Патриком речь, напротив, шла о тихом, очень сдержанном человеке. Гнев – защитная реакция психики, и иногда он не только оправдан, но и необходим. Но наш герой слишком долго сдерживался и потому взорвался неконтролируемой яростью. Такой человек редко идет на какие-то серьезные насильственные действия, порой и вовсе лишь один раз за всю жизнь – редко, но метко. Вплоть до убийства.

И вот Патрик сидит в следственном изоляторе в ожидании долгого срока за причинение тяжкого вреда здоровью. Он весь – воплощенная безнадежность, безысходность. Все это верные признаки грядущего самоубийства.

Рассказывая о себе, своих личных переживаниях, признавая их, давая им имена, человек придает смысл происходящему вокруг. Поэтому для большинства из нас столь важны беседы в кругу семьи. Кто-то вместо этого обходится обще-

нием с психотерапевтом, но причина все та же: разговор по душам помогает нам понять себя и других. Если же не получается высказаться – переживания проявятся по-другому. Эмоциям нужен голос. Подавляй их или нет, они все равно пробьются наружу.

Вот только не у всех легко получается делиться своими радостями и горечью. Мальчиков, мужчин общество приучает скрывать свою слабость. Оно подбрасывает им великое множество разных деструктивных способов, с помощью которых якобы можно погасить пожар и пережить трудности. А на деле они таким образом просто «наступают на горло собственной песне». Сама мысль о том, чтобы рассказать другому, что тебя гложет, до сих пор кажется абсурдной. И это в XXI веке! Когда человека наказывают, насмеваются над ним за то, что он посмел выразить свои чувства (или даже за то, что они вообще есть), приходится всеми силами притворяться, строить из себя образец силы и стойкости.

Все сказанное касается любых эмоций, кроме гнева. Мужское воспитание приемлет и даже поощряет гнев. Его связывают с действием, а не с чувствами. Сильный пол, в общем-то, более склонен справляться со стрессом и сложными ситуациями, предпринимая конкретные шаги, будь то труд в поте лица, секс, алкоголь, наркотики, агрессия, насилие, суицид. А что такое, в конце концов, самоубийство, как не самый решительный поступок? Разве стоит удивляться, что тюремная среда, где культ мужественности достигает абсо-

люта, а проявление эмоций считается признаком слабости, вынуждает своих обитателей вредить ближнему своему, да и себе, в попытке утолить боль?

Томпсон не знал, кому и как рассказать свою историю – трагедию всей жизни. Ему просто не представлялся подходящий момент. Ему просто не давали шанса высказаться, пока он не пошел на тяжкое преступление. Но в тюрьме он уж точно не обрел душевного спокойствия. Прислушавшись, понимаешь, что даже самую тихую из тюрем сотрясает гром – не молний, но мужского молчания.

У меня самой были скелеты в шкафу и тараканы в голове, которыми я предпочитала не делиться – да и сама толком не понимала их природы. Вот только моя невысказанная боль нашла физиологический выход – у меня начались приступы головокружения. Как-то на вокзале в Шеффилде я ни с того ни с сего чуть не упала в обморок.

Прохожие думали, что я пьяна. Со стороны так все и выглядело: либо напилась, либо в жутком похмелье. Я тогда стояла на платформе, ждала поезда, чтобы ехать домой в Манчестер. Внезапно мне показалось, что подошедший состав вдруг сдал назад, но прежде чем я спросила себя: «Что за черт?» – земля ушла из-под ног. Я попыталась опереться на асфальт, потому что мне казалось, будто платформу № 14 вдруг накрыл ураган. Я словно вновь оказалась на карусели в Стокпорте, куда часто ходила в подростковом возрасте, ко-

гда в городе устраивали ярмарку. Я слышала голоса вокруг себя, но говорить не могла: все мысли были только о том, чтобы продолжать дышать, несмотря на панику и тошноту. А еще надо было попытаться восстановить равновесие.

Такие приступы стали повторяться все чаще...

О, как же благодарна я была Патрику за тот вечер смеха! Мне стало ясно: я не меньше, чем он, нуждаюсь в том, чтобы выпустить пар. В какой-то момент я забеспокоилась, не станет ли эта ситуация последней каплей, которая окончательно сломает Патрика. Но пока мы вынимали остатки его картин из пластикового пакета, он сказал мне: «Спасибо». Я спросила, стоит ли мне волноваться о его состоянии. Он улыбнулся одной стороной рта и ответил: «Нет, не сегодня. Сегодняшний день я переживу».

Пациент вдруг захотел жить, а в моей работе порой убедить человека прожить краткий промежуток времени – уже подвиг. С Патриком мы больше не встречались, но я надеюсь, что он нашел себе собеседника и дожил до конца срока.

3. Козел отпущения

Гипотеза справедливого мира – широко распространенное заблуждение, предполагающее, что мир по сути справедлив, что добро вознаграждается, а зло наказывается. Как следствие, несчастного считают заслужившим свою судьбу... зачастую жертвы обвиняют самих себя.

Оксфордский словарь психологии

Я никогда не забуду Элисон, хотя бы потому, что на моей памяти это была единственная женщина, убившая мужа и покинувшая здание Суда Короны²⁹ с оправдательным приговором.

Тогда я впервые выступила в суде в качестве свидетеля-эксперта по делу об убийстве человека. («Убийство» – обобщающий термин британского правосудия, охватывающий такие понятия, как преднамеренное и непреднамеренное убийство, а также детоубийство и непреднамеренное убийство.) Поскольку речь идет об оценке человека, а не какого-то неодушевленного объекта, психологи обладают редким правом вставить слово в судебных слушаниях, не ограничиваясь сухим отчетом о фактах. Мне было двадцать девять, я тогда уже набралась опыта, заработала себе профес-

²⁹ Суд Короны – верховная судебная инстанция Великобритании. – Прим. ред.

сиональную репутацию, и к моему мнению стали прислушиваться. Высказанная специалистом позиция может очень серьезно повлиять не только на подсудимых, но и на семьи их жертв, и на отношение широкой общественности к тому или иному прецеденту.

Ранее я была уверена, что на моем первом слушании такого рода обвиняемым будет мужчина. Нет, я не страдаю гендерными предрассудками, просто смотрю правде в глаза: 95 % убийц – мужского пола³⁰, независимо от того, что связывает преступника и его жертву. Мужчин почти всегда убивают другие мужчины, женщин тоже. Поэтому, когда прокуратура передала мне материалы дела для изучения, я была очень удивлена.

Элисон сама призналась в убийстве своего супруга Пола. Преступление произошло у них дома. Прокуратуру интересовало одно: психическое состояние Элисон в тот момент, а именно наличие «аномального психического функционирования, в значительной мере повлиявшего на ее поведение в день правонарушения». Подобная постановка вопроса указывала, что адвокаты Элисон хотели выдвинуть аргументы в пользу ограниченной ответственности в надежде переквалифицировать состав преступления на непредумышленное

³⁰ Gibbons, J., 2013, 'Global Study on Homicide', United Nations Office on Drugs and Crime, accessed online at www.unodc.org. See also Office for National Statistics, 2017, 'Homicide', accessed online at www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/compendium/focusonviolentcrimeandsexualoffences/yearendingmarch2016/homicide.

убийство.

Мы живем в цивилизованном обществе, где уголовное право зиждется на том, что человека можно признать виновным тогда, когда поступки подсудимого можно охарактеризовать как неправомерные (юристы это называют *actus reus*, «виновное деяние»), а также когда он сознает неправомерность своего деяния (*mens rea*, или «преступный умысел»). Что отличает преднамеренное и непреднамеренное убийство? Наличие или отсутствие преступного умысла. Вот только доказать, в каком состоянии находилась Элисон в момент убийства своего мужа, можно было только за счет ретроспективной оценки, провести которую с точностью, требуемой по закону, невероятно сложно. С другой стороны, именно способность путешествовать во времени является одним из важнейших дополнительных навыков в инструментарии судебного психолога.

Я сразу же запросила медицинскую карту обвиняемой, а также подала заявку на несколько визитов в женскую тюрьму, где ее держали под следствием. Готовясь познакомиться с доказательствами обвинения и планируя свою работу с Элисон, я вспоминала все, что знала о специфике «убийства сексуального партнера».

Ее супруг относился к тем 10 % мужчин³¹, которые стано-

³¹ Подробнее см. Karen Ingala Smith, 'Sex differences and Domestic Violence Murders', <https://kareningalasmith.com/counting-dead-women/>; Long, J., Harper, K. and Harvey, H., 2017, 'The Femicide Census: 2017 findings', <https://www.femicidecensus.org.uk>.

ваются жертвами женщин-убийц. При этом женщины, убитые другими женщинами, составляют и вовсе 1 % общего числа умерших насильственной смертью. Статистика указывает на еще одно неизменное обстоятельство: убийству женщины ее бывшим или нынешним партнером предшествуют долгие месяцы и даже годы насилия. Но когда женщина сама убивает своего нынешнего или бывшего мужа, она же, как правило, является жертвой предшествовавшего многомесячного или даже многолетнего насилия.

Возможно, меня обвинят в предвзятости и аргументируют это тем, что мужчины тоже страдают от домашнего насилия. Не спорю и поэтому считаю, что к каждому делу нужно подходить индивидуально. Но давайте не лгать себе: домашнее насилие имеет половую направленность и совершается в подавляющем большинстве случаев мужчинами в отношении женщин³². Женщины подвергаются куда более сильному эмоциональному давлению и контролю, а также регулярным издевательствам. Шанс представительницы слабого пола пострадать от рук того, кто когда-то клялся ей в любви, на много выше, чем у ее «половины». Каждые три часа в Велико-

³² См., к примеру, Walby, S., Towers, J., 2017, 'Measuring violence to end violence: mainstreaming gender', *Journal of Gender-Based Violence*, 1(1), pp.11–31; Myhill, A., 2017, 'Measuring domestic violence: context is everything', *Journal of Gender-Based Violence*, 1(1), pp. 33–44. См. также Office for National Statistics, 2018, 'Domestic abuse in England and Wales: Year ending March 2018', www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/bulletins/domesticabuseinenglandandwales/yearendingmarch2018.

британии госпитализируют женщину, которую избил или покалечил мужчина. Вот такая печальная статистика.

Итак, я предполагала, что Пол издевался над Элисон, причем довольно долго. Однако нельзя делать экспертное заключение, исходя из одной лишь статистики. Так что я на время выбросила статистику из головы и открыла первую из трех синих папок с материалами с места преступления.

Вообще такие фотографии всегда вызывают странное чувство: ты как будто вторгаешься в нечто личное – чужую смерть, – хоть и через призму профессионального любопытства. Сами снимки полны контрастов. Обыденное, даже банальное место – в данном случае половина дома на две семьи, сложенного из красного кирпича, с живой изгородью и витражным окном во входной двери. И на фоне этой идиллии – ужасающее преступление. Пол умер, сидя на диване, от нанесенной тупым предметом черепно-мозговой травмы, получив в довесок множество ножевых ранений в область груди.

Первая мысль: на фотографиях нет ни единого признака организованного или преднамеренного убийства. Сплошной хаос. Муж был убит в гостиной: тело лежало на полу, голые ноги торчали до колена из одеяла (или двух?), в которое его неуклюже завернули. На заднем плане стояла елка, праздничный вечнозеленый символ семейной идиллии, украшенный серебристой мишурой, а за ней – полки с фотография-

ми в рамках и странная статуэтка.

Перед глазами ожила картина преступления. Вот его лицо и бо́льшая часть головы в запекшейся крови, левый глаз сильно опух, и его сливовый оттенок сильно контрастирует с общим цветом кожи. По лицу видно, что Пол был в шоке – в этом нет никаких сомнений. Должно быть, за долю секунды до смерти он понял, что сейчас произойдет. Рука с изогнутой ладонью приподнята к лицу в попытке защититься. Я рассмотрела колото-резанные раны на груди – маленькие, бесцветные порезы, словно оставленные ногтями на коже яблока. Крови нет, обычные входные раневые отверстия, что указывало на то, что они были нанесены уже после наступления смерти. На этих кадрах очевидно, что жена безуспешно пыталась разрезать тело пополам по талии – и вновь никаких следов кровотечений, только разрезы плоти. На некоторых фото видны мусорные мешки, губки, рулон туалетной бумаги на ковре. На кухне что-то, похожее на человеческие фекалии. В раковине тазик, а в нем гаечный ключ, вода красновато-коричневого цвета.

Замести следы никто не пытался, скорее убийца стремился просто навести хоть какой-то порядок – и то безуспешно. Мест преступления я видела немало и могу точно сказать одно: избавиться от следов – непростая задача, даже для опытного убийцы, который знает свое дело. Человеку, который пытался оттереть кровь с дивана губкой и промокнуть ковер туалетной бумагой, явно не хватило сил и расчетли-

вости размышлений, необходимых для того, чтобы замаскировать свои действия. После тщетных попыток убрать тело Пола или хотя бы разрезать его на части, Элисон завернула труп в одеяла; сил смотреть на то, что она сотворила, у женщины уже не было. Так и остался покойный муж лежать на светлом ковре с цветочным узором.

На других фотографиях – самый обычный дом, разве что подозрительно чистый и аккуратный. В детских комнатах полный порядок, что вообще редкость. По-армейски ровные ряды кукол на полках – скорее напоказ, чем для игры. В главной спальне разложена гладильная доска, рубашки висят на дверях шкафа. Кровать безукоризненно застелена покрывалом с рюшами, а на ней еще куклы. Больше всего меня порастил подъезд к дому: ни листьев, ни цветочных горшков и вообще никаких признаков повседневного беспорядка семейной жизни, как будто кто-то прошелся по асфальту пылесосом. Рядом с домом гараж, в нем все как обычно: инструменты, краска, верстак. Полка с бытовой химией, хлоркой и дезинфицирующими средствами, а под ней хранилище алкоголя: пять или шесть огромных бутылок водки и прочих крепких напитков.

А еще записка. Элисон вырвала пару листков из украшенного цветами разлинованного детского блокнота и оставила свое послание с обеих сторон мимо строчек. Почерк выглядел схематично, с тонкими буквами, написанными явно трясущейся рукой. «Так больше не может продолжаться, я

больше не могу справляться. Простите меня. Присмотрите за детьми, скажите им, что я их люблю. Они у моей мамы, пожалуйста, пусть останутся с ней». Одна и та же мысль, многократно изложенная на четырех страницах: простите меня, я больше не могу справляться. Никакого тщательно продуманного объяснения, оправдания. Скорее поток сознания; хаос, вырвавшийся на волю. Элисон легла на пол рядом с телом мужа и пролежала там до следующего утра, когда вернулась ее мама с детьми.

Тюрьма, куда ее поместили на время следствия, не отличалась от прочих женских тюрем, где я бывала. В Англии всего двенадцать специализированных женских исправительных заведений, поскольку среди британских заключенных лишь 10 % – женского пола. Ничего общего с американскими сериалами вроде «Оранжевый – хит сезона»³³. Никакой униформы, заключенные носят собственную одежду. Если и есть какая-то общая форма, то это скорее джинсы и футболка. Что называется, комфорт превыше стиля. Допросные в женских тюрьмах мало отличаются от аналогичных помещений в мужских заведениях, хотя иногда попадаются довольно уютные помещения с красивыми картинами на стенах, игрушками в коробках. Как будто ты находишься не в местах лишения свободы, а сидишь в очереди к стоматологу. Но в этих комнатах матери ждут не очереди на удаление зуба, а

³³ «Оранжевый – хит сезона» – американский телесериал из жизни заключенных женской тюрьмы. – *Прим. пер.*

встречи со своими детьми.

В такой семейной комнате я встретила с Элисон. Там была даже небольшая кухонька с раковиной и несколькими низкими мягкими стульями. Помню, выключатель света был оборудован датчиком движения, а так как мы сидели низко, мне приходилось каждые пятнадцать минут махать руками, чтобы снова включился свет. Это казалось откровенно глупым и неуместным в данной ситуации.

Передо мной сидела худая, среднего роста женщина, волосы собраны в строгий конский хвост, черты лица тонкие, глаза карие, широко посаженные. Вокруг висков виднелись участки седых волос, уши проколоты, хотя серьги явно давно не надевала. Глаза блестят от слез: женщина тихонько плакала всю нашу беседу.

Что она мне рассказала? Муж ударил ее в первый раз десять лет назад, когда она призналась ему, что беременна. Они тогда ехали в машине: она за рулем, а он на пассажирском сиденье. Он просто взял и ударил ее лицом о руль. Все произошло так быстро, что поначалу Элисон вдруг решила, будто в них врезались сзади. Она рассказала обо всем матери, а та спросила, чем же дочь так взбесила мужа, и дала совет: если уж ты впрямь беременна, то лежи дома в постели. Та беременность закончилась выкидышем, потому что Пол столкнул жену с лестницы, хотя потом утверждал, что она все выдумала и ребенка все равно бы не было. Такой прием называют «газлайтингом» – преступник заставляет жерт-

вы усомниться в собственной адекватности.

Трижды Элисон обращалась в полицию, но безрезультатно: мужу так и не предъявили никаких обвинений. После третьего раза Пол так сильно избил жену, что жаловаться она больше не решалась. При любом обсуждении проблемы насилия в семье кто-нибудь да спросит: «Почему же не развелась, не писала снова и снова заявления в правоохранительные органы?»

Не так все просто. В семье, где происходит насилие, отношения весьма сложны: они скорее похожи на закрученную пружину боли и жестокости, глубокого раскаяния, наполненных эмоциями примирений, надежд и восторга. А потом... страх и ужас. Жертва знает: есть лишь затишье перед бурей, буря вот-вот разразится, но когда точно – неизвестно. Человек пытается избежать судьбы, поменяв что-то в своем поведении, уходя в себя, пропадая, делая все возможное, лишь бы сохранить хрупкий мир. Но миру не быть. И неизбежно становится еще больше насилия, и цикл повторяется снова.

Это порочный круг, каждый раз стороны обречены повторять этот злополучный цикл. Жертве приходится приспособиться: насилие и жестокость создают мощный стимул к обучению. Женщина уже и сама верит, что все ее несчастья – ее же вина, видит в себе лишь слабость и никчемность. Вот станет хорошей девочкой, и тогда все наладится. А пока она еще не заслужила любви. А что агрессор? Он привыкает к своей власти и безнаказанности, лихо пользуясь своим

умением с помощью жестокости и манипуляций заставить партнера беспрекословно подчиняться. Связь между ними – словно шрам. Казалось бы, что может быть в таком случае проще, чем развод, но жертва уже лишена воли и не может выбраться из этой паутины.

Элисон удалось после долгих попыток и ожидания в очереди перебраться в женский кризисный центр, но Пол пришел за ней и заставил вернуться домой. Он угрожал рассказать социальным службам, что она психически нездорова, и тогда у нее отобрали бы детей. Элисон была очень заиклена на чистоте и порядке, убиралась тщательно и часто. Муж часто говорил ей: «Тебя в сумасшедший дом посадят, если кто-то узнает о твоей склонности».

Она рассказала мне, что, еще будучи подростком, работала в ресторане, который временно закрыли из-за несоблюдения санитарных норм. Мать Элисон была строгой и требовательной женщиной, которой было невозможно угодить; она предположила, что ее дочь попросту не справлялась со своей работой. Так у моей собеседницы развилось ОКР³⁴. А потом у нее просто выработались ритуалы: прибираться, прибираться, еще раз прибираться всякий раз, когда она чув-

³⁴ Обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР), невроз навязчивых состояний – психическое заболевание, при котором человека мучают навязчивые неприятные мысли, вызывающие тревогу и фобии. Избавиться от них он пытается с помощью произвольных или полупроизвольных навязчивых действий (в данном случае патологическое стремление к идеальной чистоте в доме). – *Прим. ред.*

ствовала беспокойство и тревогу. Женщина словно упорядочивала тот хаотичный поток ее мыслей, который был в ее уме каждую минуту ее бодрствования. Она рассказала, что Пол специально терзал ее, разбрасывая по всему дому печенье и чипсы.

В медицинской карте упоминается несколько госпитализаций за последние два года с необъяснимыми травмами, в том числе с химическими ожогами горла от хлорного отбеливателя. Тогда она сказала врачам, что выпила хлорку случайно. Мне же призналась: Пол заставил ее это сделать, когда вдруг решил, что бесконечная уборка его раздражает. Зажал ей нос, вынуждая проглотить опасную жидкость. Врачи сразу поняли, что никакой случайности тут быть не может, никакой взрослый не выпьет хлорку по ошибке, и начали подробно расспрашивать о случившемся. Но Элисон молчала: боялась за детей. Одна из медсестер попробовала поговорить с пациенткой, ничего не добилась и сказала: «Вам, должно быть, нравится так жить, раз вы собираетесь вернуться домой».

Элисон рассказала мне, что муж ее насиловал. По субботам он напивался, и у него начинали играть гормоны. Он принуждал жену к сексу, даже если ей этого не хотелось. Если же ей при этом не удавалось изобразить наслаждение, Пол душил ее. «В такие моменты мне казалось, я сейчас умру», — призналась она в беседе со мной.

Элисон рассказала мне, что к моменту убийства уже несколько дней толком не могла спать: очередное затишье, очередное ощущение все нарастающей напряженности, очередные бесконечные приступы душащих, сводящих с ума воспоминаний о прежних издевательствах. Она тогда словно ходила по тонкому льду, измученная постоянными усилиями не спровоцировать мужа. Женщина изо всех сил старалась прекратить наконец бесконечную уборку. Как-то раз Элисон расплакалась, и муж потребовал, чтобы она перестала портить ему настроение. Она ушла на кухню, чтобы ее никто не видел, и услышала крик с дивана: «Принеси мне бутылку из гаража».

Тогда-то у нее случилось недержание кала, поэтому и появились следы на кухне. В грязных брюках, дрожа от страха, она зашла в гараж и, стоя перед полкой с водкой, протянула руку... и взяла гаечный ключ. Она тогда «оцепенела; казалось, что не шла, а плыла». Женщина вернулась обратно в гостиную, встала сзади Пола, развалившегося на диване с закрытыми глазами, и ударила его по голове изо всех сил. А потом снова, и снова, и снова.

Элисон сделала глубокий вдох; на лице ее читался ужас от содеянного. Она произнесла: «Бедный Пол, бедный Пол».

На диване осталось бездыханное тело. Сложно объяснить, почему Элисон в тот момент показалось, будто муж вот-вот набросится на нее в ярости, хотя его и в живых-то уже не было. Все, что она могла вспомнить, — дикая мешанина мыс-

лей и паника: она побежала обратно на кухню и схватила с подставки небольшой зазубренный нож. Она некоторое время стояла, держа нож перед собой в ожидании, что муж вот-вот очнется. Потом вернулась в гостиную и пару раз толкнула тело, чтобы понять, жив ее мучитель или нет. Движение тела, хоть и вызванное ее же рукой, напугало женщину, и она принялась колоть Пола в грудь. К тому времени он уже скончался.

Элисон посмотрела на меня, попыталась снова произнести «Бедный Пол», но не смогла: ей помешал приступ рвоты.

Дорога домой была долгой. Я стояла в пробке, медленно продвигаясь по знакомому серому полотну трассы, и думала, как хорошо знаком мне описанный ею классический цикл насилия. Я узнала его не только по долгим часам изучения динамики отношений домашнего насилия, но и по личному опыту.

Уйдя из тюрьмы Уэйкфилд, встречаться с офицером охраны я не перестала. Но наши отношения довольно скоро испортились. Он все сильнее доминировал, и меня это пугало. Он мог взорваться по любому поводу – когда я одевалась не так, как ему хотелось, наполняла чайник горячей, а не холодной водой, улыбалась не так, как ему нравилось, или с недостаточным энтузиазмом занималась сексом, как и когда *ему* хотелось. Сегодня мы называем такую ситуацию принудительным контролем. В те дни я могла выявлять эту ситуа-

цию практически постоянно. Но спустя время мы всегда понимаем, что происходило, а тогда у нас даже термина такого не было. Впрочем, ситуация была настолько неявно выраженной, что я могла ее и не заметить, даже если бы термин и существовал.

Атмосфера стала абсолютно невыносимой, когда я начала работать стажером судебного психолога в тюремной больнице. В те времена подобные возможности предоставлялись нечасто, и я очень гордилась, что мне удалось получить это место. Из студента-волонтера я стала профессиональным психологом на зарплате. Наши отношения стали напоминать муху, напрочь завязшую в варенье моей жизни. Мне страшно хотелось выбраться, но я точно знала, что в момент разрыва отношений, связанных с насилием, резко возрастает риск причинения вреда.

Со временем мне удалось освободиться, но он не собирался облегчать мне этот процесс. Он начал появляться у моей работы. Коллеги говорили, что он бродит по парковке, врывается в приемную и требует, чтобы ему сообщили, покидала ли я здание. Он колотил во входную дверь. Он заглядывал мне в окна в тот момент, когда начинал звонить телефон. Я задерживала шторы и сидела неподвижно, пока он не уходил.

В типично унылый, пасмурный день 31 октября – на Хэллоуин – я вернулась домой с работы и буквально вбежала в дом, потому что начался дождь. Подъезжая к дому, я видела на дороге детей, которые ходили по домам, выпрашивая

конфеты. Помню еще, что подумала: они вот-вот вымокнут до нитки. Я вбежала в дом, повесила пальто в прихожей и направилась прямо на кухню, посмотреть, дома ли соседка. Соседки не было. Когда позвонили в дверь, я кинулась открывать, рассчитывая увидеть детей с раскрашенными лицами и в масках. Но это были не они.

Через несколько дней соседка, которая сразу заставляла меня позвонить в полицию, поставила мне ультиматум: если этого не сделаю я, в полицию позвонит она. Звонить было безумно тяжело. Меня терзали мрачные предчувствия – я понимала, что запускаю цепочку зловещих событий.

Когда жертва домашнего насилия принимает решение и звонит в полицию, у этой истории появляются две развязки, и ни одну нельзя назвать счастливой. Либо полиция решает ничего не предпринимать, и тогда человека ожидает настоящий домашний ад. Либо начинает действовать, и жертва насилия сталкивается с новой реальностью – ее жизнь и все, что было привычно и знакомо, переворачивается с ног на голову. Единственное, чего я хотела в этой ситуации, чтобы он ушел. Если я сообщу о преступлении, в моей жизни появится масса новых проблем. И все же я позвонила в полицию и через много месяцев оказалась в суде.

Первым психологом, который выступал в суде по поводу достоверности свидетельских показаний в деле о мюнхенском убийстве 1896 года, был доктор Альберт фон Шренк-

Ноттинг. Я представляла свой первый судебный опыт точно так же. Я видела себя эрудированным специалистом, способным поразить судью и присяжных своими знаниями и квалификацией. Защитник обвиняемого со вздохом заявлял: «Больше вопросов не имею, ваша честь», признавая свое поражение перед лицом моего профессионализма на перекрестном допросе. Но я никак не ожидала, что мне придется давать показания от лица жертвы, что у меня будут пылать щеки и мне будет трудно подобрать слова, чтобы объяснить, почему я не подала жалобу раньше...

На судебном процессе я сказала, что постоянно чувствовала себя морским львом в цирке – мне постоянно приходилось следить за своим настроением и замечать потенциально тревожные признаки ярости, пробуждающейся из-за сущих мелочей. Ведь стоило этой ярости пробудиться, и она могла пылать несколько дней. Поэтому мне было хорошо понятно состояние постоянного страха, о чем говорила Элисон: вечное ожидание взрыва, готовность сделать все, что угодно, лишь бы этого не допустить, и постоянное осознание невозможности предотвратить катастрофу, потому что причиной ее является не твое поведение, а поведение партнера.

Дело рассматривал местный мировой суд – никаких присяжных, лишь три мировых судьи, я, мой бывший бойфренд с адвокатом и прокурор. А еще, как оказалось, огромное множество журналистов. Адвокат честно выполнял свою работу. Он задал мне множество неприятных вопросов лично-

го характера о наших отношениях. Ведь я была близка с его подзащитным, у нас довольно долго были серьезные отношения. Не делаю ли я из мухи слона? Может быть, речь идет всего лишь о ссоре между любовниками? Чрезмерная реакция истерички, стремящейся привлечь к себе внимание. Я только даром трачу время серьезных людей на свою ложь – это было меньшее из услышанного мной на том процессе.

Через две недели моего бойфренда осудили за домогательство и приговорили к 18 месяцам тюремного заключения, из которых он должен был точно отбыть не меньше девяти. Но в действительности он провел в тюрьме лишь пару дней: адвокат подал апелляцию, мотивируя тем, что бывший тюремный офицер подвергается большой опасности – и приговор отменили.

Журналисты, которые пишут о преступлениях и реальных событиях, кажется, живут в другом измерении. Их совершенно не интересует ни истина, ни факты. Газеты продают сюжеты, которые соответствуют их позиции. В моем сюжете присутствовали все пикантные элементы идеальной таблоидной истории – тюремный офицер и неопытная девица. Именно так моя история и была описана на страницах таблоидов.

Когда, идя на работу утром, я увидела свою фотографию в газетном киоске, у меня подкосились ноги, словно я оказалась в лифте, который слишком быстро спускался. Проходя по вестибюлю, где на столе каждый день выкладывали све-

жие газеты, я обнаружила, что мой портрет украшает первые страницы большинства таблоидов. В одной газете использовали классическую тюремную шутку о надзирателе, который сам оказался в тюрьме из-за горячей дамочки-психиатра. Другая газета посвятила моей истории целых две страницы. Поскольку мои показания не представляли для них особого интереса, они предпочли сосредоточиться на его надписях на моей обнаженной груди – он действительно написал на мне «сука-феминистка» губной помадой. Тогда я поразилась тому, что мужчина захотел превратить меня в стену для собственных граффити (и тому, что он знает, как пишется «феминистка»). До сих пор меня изумляет тот факт, что журналист ухитрился самую личную часть моих показаний выставить на потеху публики.

Описать стыд очень трудно. Я постепенно начала понимать истинную глубину этого чувства с помощью своих клиентов – и жертв, и тех, кто проделывал ужасные вещи с другими людьми. Но стыд – это нечто такое, что нужно прочувствовать самому, чтобы по-настоящему понять. Я уходила в туалеты и стояла, глядя на себя в зеркало и испытывая глубокое отвращение к самой себе.

Начальник понял, что в таком состоянии я работать не могу, и отпустил меня домой. И тут же добавил:

– Но прежде чем уйти, зайдите и извинитесь перед доктором Уилкоксом.

Доктор Уилкоккс был тем самым психиатром, в команде

которого я работала. Мне нужно было идти и просить прощения у начальников, словно я ребенок, который украл печенье. Они не злились, но мое поведение их разочаровало. Не задавая лишних вопросов, я поплелась в кабинет доктора и пробормотала невнятные извинения. Доктор понятия не имел, что произошло, и сразу же меня отпустил. Никогда не прощу своего начальника за то, как он унизил меня в тот день. В целом он был вполне достойный и приятный человек, и мне нравилось с ним работать, но в тот момент свойственная ему чуткость испарилась.

Когда через пару дней я вернулась на работу, никто об этом не говорил. Никто. Все знали, но никто ничего не сказал. Впрочем, я все чувствовала по взглядам. Мои коллеги – опытные, профессиональные медсестры и психологи – не потрудились заглянуть дальше заголовков. А если и заглянули, то ни разу об этом не сказали и не спросили, что я чувствую. Я почти физически ощущала их дискомфорт. Они давали мне понять, что профессионалы в области психического здоровья так себя не ведут. Подобное может случиться с нашими пациентами, но не с нами. Я могла лишь стараться высоко держать голову, но это было нелегко.

В первый день на работе я пять минут сидела в одиночестве в общественной зоне (где и лежали газеты). Ко мне подошли три пациентки. Я увидела у них небольшой букетик белых маргариток, собранных на газоне. Эти женщины – женщины с проблемами обучения, слышащие голоса, гал-

люцинирующие, имеющие самые необычные убеждения и невероятно далекие от реальности, – подошли и протянули мне цветы. Они не сказали ни слова, но я знала, что они хотят сказать. Они молча кивнули мне, и я кивнула им в ответ. Три эти женщины проявили ко мне больше сочувствия, чем все профессионалы – специалисты не удосужились ни поговорить со мной, ни даже смотреть на меня.

Мой контракт возобновлялся каждый год. Когда через два месяца его не продлили, я сразу же поняла почему. Я работала в этой больнице почти два года, и претензий к моей работе никогда не было. Руководитель моего отделения даже написал в совет директоров, выражая неудовольствие моим уходом. Но контракт не продлили – безо всяких объяснений. Меня не увольняли – просто не продлили контракт. Моя должность просто больше не нужна. В личной беседе начальник сказал, что я выставила больницу в невыгодном свете. Я не должна была этого делать. Совет директоров решил, что я не могу более работать с пациентами-мужчинами, у которых были проблемы с сексуальным насилием (хотя жить в одном отделении с пациентками-женщинами им это не мешало).

И я ушла. Я решила, что это правильно: я действительно все испортила. Я положила конец собственной карьере, прежде чем она началась. Мой бойфренд вернулся к своей работе (от надзирателей требуется абсолютно чистая история судимости – но это в теории, на практике же никто та-

кими мелочами не заморачивается), я же свою потеряла. А кроме того, еще и подвергла себя публичному унижению.

Подруга на время дала мне своего котенка – Серендипити³⁵, то есть Диппи. Все знают, что в печали человеку необходим котенок. Диппи была очень милой, но в ее родне явно были тасманские дьяволы – все выходные она безжалостно драла всю мебель, до которой только могла дотянуться. Она перевернула все горшки с цветами и рассыпала землю по ковру в гостиной. А когда я начала пылесосить, оказалось, что пылесос сломался. Это была всего лишь земля на ковре, но в тот момент она стала последней каплей. Я рухнула на пол, прижала к себе теплую Диппи и разрыдалась. Жизнь моя была разбита, и я ничего не могла сделать.

Да, я понимала позицию Элисон. Но моя работа заключалась не в сочувствии. Эмоциональная эмпатия – не просто понимание, но чувствование чувств другого человека – вещь прекрасная, но причудливая и близорукая. Она никак не помогает профессиональному анализу судебного психолога. Она туманит разум. Ей нет места в судебной практике. Я не должна ставить себя на место другого человека, сколь бы его история ни была близка мне. Когда я работаю с клиентом, моему личному опыту и предубеждениям нет места в кабинете.

Адвокат Элисон прислал мне копии показаний соседей и

³⁵ С *англ.* serendipity – «интуиция» или «счастливый случай». – *Прим. ред.*

знакомых семьи. Все знали, что Пол избивает жену, ее часто видели всю в синяках и ушибах. Одна и та же фраза фигурировала практически во всех записях: «Мы говорили ей: уйди от него». Вот только, похоже, никто не сказал мужу: «Уйди от нее, не трогай ее, прекрати ее бить».

Кажется, что человек от природы запрограммирован возлагать вину на жертву. Элисон все время слышала от других, что сама во всем виновата. И настал момент, когда она взялась за оружие и сама стала агрессором.

Вот типичный пример «синдрома избитой жены». Этот удручающий термин означает глубокое психологическое воздействие продолжительного насилия, наподобие того, которому подвергалась Элисон, пока жила с Полом. Мне не нравится сама формулировка. Она, на мой взгляд, звучит так, будто человек сам выбрал такой образ жизни. Но, что характерно, эту формулу нельзя использовать ни как психиатрический диагноз, ни как основание для правовой защиты.

В Великобритании используются попеременно две диагностические классификации: Диагностическое и статистическое руководство (DSM) Американской психиатрической ассоциации и Международная классификация болезней (МКБ) Всемирной организации здравоохранения, которая применяется по всей Европе. (Да, даже психиатры не могут разобраться, кто для нас важнее – Америка или Европа.) Ни в одной системе нет диагноза «синдром избитой жены».

Я бы поставила именно Элисон такой диагноз, но мне бы-

ло ясно, что суд подобное заявление не учтет. Британское законодательство вообще допускает всего несколько вариантов переквалификации дела из категории «предумышленное убийство» в разряд непредумышленных. Чаще всего используется «внезапная временная утрата контроля над собой» (раньше и вовсе это называлось «провокацией» со стороны пострадавшего). Спорное основание для защиты, к тому же для женщин, подвергшихся насилию, почти бесполезное.

Сегодня суды признают, что продолжительное насилие может спровоцировать человека, вынудить его с особой жестокостью отреагировать на слова и действия, вне контекста кажушиеся безобидными. Но в этом и суть проблемы: чтобы проявить жестокость, при этом не подвергая себя еще большей опасности, нужно быть таким же сильным, как и агрессор. Женщины – жертвы насилия редко могут этим похвастаться. «Внезапная временная утрата контроля над собой» сразу же отпадает, ведь мужчины-агрессоры, как правило, крупнее, физически мощнее и сильнее своих жен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.